Научная статья

УДК 353.2(470)"1775"

ГУБЕРНСКАЯ РЕФОРМА ЕКАТЕРИНЫ II 1775 Г. В КОНТЕКСТЕ КРИЗИСА МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ГОДЫ ВОССТАНИЯ Е. И. ПУГАЧЕВА

Воронцов Денис Владиславович, кандидат исторических наук, Иркутский национальный исследовательский технический университет, Россия, Иркутск, denis-vorontsov@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена переосмыслению связи между губернской реформой 1775 г. и кризисными явлениями в местном управлении Российской империи, которые обострились в годы Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. На основе новейших публикаций 2025–2026 гг., архивных материалов и историко-правовых источников показано, что дореформенная система уездно-провинциального управления обладала территориальной разнородностью, дефицитом картографических и статистических сведений об уездах, перегруженностью центральной власти прямыми челобитными подданных, слабым контролем над местной администрацией. Восстание 1773–1775 гг. не породило перечисленные проблемы, но проявило их на практике, чем продемонстрировало неспособность прежней системы обеспечить оперативное управление в кризисной ситуации. Одновременно в статье, вслед за современными исследователями, оспаривается упрощенное представление о пугачевщине как о единственном триггере реформы. Показано, что ее содержательная логика формировалась независимо от восстания, а восстание ускорило ее проведение. Материалом исследования служат случаи Москвы, Казанской губернии, Оренбургского края и Пермского наместничества, что определяет региональный характер эмпирических выводов. Работа показывает, что реформа 1775 г. решила часть унаследованных проблем

управления, но породила новые, прежде всего ослабление контроля над губернаторской властью.

Ключевые слова: губернская реформа 1775 г.; Екатерина II; местное управление; восстание Пугачева; Крестьянская война; уездное деление; администрация Казанской губернии

Original article

CATHERINE II'S PROVINCIAL REFORM OF 1775 IN THE CONTEXT OF THE LOCAL ADMINISTRATION CRISIS DURING THE PUGACHEV REBELLION

Vorontsov Denis Vladislavovich, Candidate of Historical Sciences, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia, denis-vorontsov@yandex.ru

Abstract. This article reconsiders the relationship between Catherine II's provincial reform of 1775 and the crisis phenomena in local administration that intensified during the Pugachev Rebellion of 1773–1775. Drawing on recent 2025–2026 publications, archival materials, and legal-historical sources, the study shows that the pre-reform uezd-and-province system suffered from persistent institutional constraints: territorial heterogeneity, a lack of cartographic and statistical data on uezds, an overload of direct petitions reaching the sovereign, and weak oversight of local officials. The 1773–1775 rebellion did not create these problems but sharply exposed them, revealing the old system's inability to govern effectively under crisis conditions. At the same time, following several contemporary scholars, the article challenges a simplified view of the rebellion as the sole trigger of the reform, showing that the reform's substantive logic developed independently of the uprising, which accelerated but did not predetermine it. The empirical material is drawn from the cases of Moscow, Kazan province, the Orenburg region, and the Perm namestnichestvo, which defines the regional rather than empire-wide scope of the findings. The study

demonstrates that the 1775 reform resolved part of the inherited administrative problems while generating new ones, chiefly a weakening of oversight over gubernatorial power.

Keywords: provincial reform of 1775; Catherine II; local administration; Pugachev rebellion; Peasant War; uezd division; Kazan province administration

Введение. Осенью 1775 г., менее чем через год после подавления последних очагов пугачевщины, были обнародованы «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи», что стало актом, который определил территориально-административное устройство страны почти на полтора столетия вперед. Хронологическая близость двух событий провоцирует исследователей на прямолинейное прочтение. Восстание напугало власть, и власть ответила реформой. Однако, чем детальнее историческая наука реконструирует предреформенное состояние местного управления и ход Крестьянской войны, тем очевиднее становится, что предложенное понимание нуждается в оговорках.

Актуальность обращения к заявленной теме в 2025–2026 гг. связана с недавним 250-летием реформы, которое отмечалось научным сообществом [9, с. 44], и с появлением корпуса актуальных работ, от геоинформационной реконструкции границ 228 дореформенных уездов [13, с. 34] до региональных примеров по Пермскому краю и Казанской губернии, которые вводят в оборот прежде не систематизированный архивный материал. Настоящая статья ставит целью проверить имеющимися фактами гипотезу о характере связи между восстанием и реформой, а именно, было ли восстание причиной кризиса местного управления или же оно стало его наиболее ярким проявлением, стресс-тестом уже существовавшей институционально слабой системы.

Работа сознательно ограничивает эмпирическую базу Москвой и центральными губерниями, Казанской губернией, Оренбургским краем и территорией будущего Пермского наместничества, поскольку не имеется задачи

провести общеимперский обзор. Предполагается рассмотреть совокупность региональных случаев, которые достаточно репрезентативны, поскольку изучаемые территории оказались затронуты восстанием либо явились первыми площадками внедрения новой системы управления. Там, где источники позволяют делать более широкие обобщения, в статье оговаривается отдельно, а там, где материал носит частный характер, статья не претендует на экстраполяцию за пределы рассмотренных случаев.

Обзор литературы. Историография губернской реформы 1775 г. формировалась на протяжении полутора веков и успела пройти несколько содержательных поворотов. С. В. Юферова обобщила дореволюционную и советскую традицию изучения темы и показывает, что в начале XX в. сложилось представление о реформе как о громоздком и внутренне противоречивом акте. М. К. Любавский характеризовал созданную реформой систему местного управления как «трехэтажное», а организацию дела «бутафорской» [15, с. 134]. Другая линия дореволюционной критики связана тезисом В. А. Григорьева о преемственности кадрового состава новых учреждений по отношению к старым: «Личный состав старых учреждений, очевидно, перешел в новые места» [15, с. 134]. Вывод В. А. Григорьева впоследствии был скорректирован. И. В. Фаизова показала, что после Манифеста о вольности дворянства появилась проблема «дворянской безработицы», а значит, представление о повсеместной нехватке дворянских кадров требует уточнения [15, с. 134].

Состояние уездно-провинциального управления до 1775 г. долгое время оставалось на периферии внимания историков, которые были сосредоточены на юридическом содержании «Учреждений». Ситуация изменилась благодаря работам Д. А. Хитрова, который в 2025 г. защитил докторскую диссертацию, которая посвящена пространственному пониманию реформы [13]. Опираясь на геоинформационную реконструкцию административных границ, Д. А. Хитров формулирует важный для настоящей статьи тезис о том, что необходимость реформы была обусловлена разнородностью уездов, а ее

осуществимость опиралась на многолетний процесс консолидации сословий и эрозию территориально-корпоративной идентичности [13, с. 32], что расходится с имевшейся причинно-следственной связью о том, что восстание привело к реформе.

Схожий скептицизм в отношении описанной связи высказывает И. Р. Метшин, который отмечает, что хотя восстание Е. И. Пугачева, «явившееся прямой угрозой российской монархии, также могло сыграть свою роль в вопросе инициирования губернских преобразований», в научной литературе «высказывается и противоположная позиция», в частности у О. А. Омельченко [9, с. 46]. Д. А. Хитров, и И. Р. Метшин работали независимо друг от друга и на разном материале, пришли к сходной осторожности в формулировках.

Иную грань темы раскрывает статья А. К. Смит, которая посвящена институту челобитных на высочайшее имя. А. К. Смит пишет о том, что, что подача челобитных императрице, несмотря на десятки запретительных указов XVIII в., так и не была искоренена вплоть до царствования Павла I, а сенатский указ 22 августа 1767 г., который часто трактуется как лишение крестьян права жаловаться на помещиков, в действительности только воспроизводил существовавшую норму на фоне обострившейся паники, которая была связана со слухами о налоговых нововведениях [17, p. 731]. Относящийся к 1767 г. сюжет, т.е. к периоду, который предшествовал восстанию, важен для настоящей статьи, потому что показывает нерешенную проблему коммуникации между подданными и властью задолго до пугачевщины.

Новейшая историография, например статьи, которые были опубликованы по итогам конференции Санкт-Петербургского института истории РАН, которая посвящена 250-летию административно-территориального устройства России, вводит в оборот детальный региональный материал. А. А. Голубинский пишет об уездной инфраструктуре Московской губернии, а А. А. Космовская анализирует создание Пермского наместничества. Новейшие работы, при том, что они

рассматривают региональный контекст, дают редкую возможность увидеть реформу растянутой во времени и неравномерной по регионам.

В современной историографии имеются по меньшей мере три исследовательские позиции. Традиционная точка зрение связывает реформу с восстанием, ревизионистская позиция настаивает на автономной логике административного развития, а региональная точка зрение показывает, что и до, и после 1775 г. система управления была в состоянии перманентной, но обычно менее заметной турбулентности. Настоящая статья стремится синтезировать исторические позиции.

Методы исследования. Исследование построено на сочетании нескольких методов исторической науки. Историко-сравнительный метод применен для сопоставления состояния местного управления до восстания, в период боевых действий и после введения «Учреждений» 1775 г. в Москве, Казанской губернии и на территории будущего Пермского наместничества. Историко-генетический метод использован при анализе формирования уездных границ и институтов управления на протяжении XVII–XVIII вв., что позволяет отделить долгосрочные структурные тенденции от сиюминутной реакции на кризис 1773–1775 гг.

Источниковую базу составили законодательный акт «Учреждения для управления губерний» 1775 г. как первоисточник административной реформы [4], эпистолярные и делопроизводственные материалы, среди которых рескрипты Екатерины II губернаторам [5], донесения губернаторов и материалы сенаторских ревизий по Казанской губернии [12], следственные документы Секретных комиссий по делу Е. И. Пугачева, которые были введены в оборот в работах В. Я. Мауля [8] и А. И. Андрущенко [1], а также новейшие исследовательские статьи 2025–2026 гг., которые опираются на архивные фонды РГАДА, Архива СПбИИ РАН и региональных архивов.

При работе с фактическим материалом применялся количественный анализ отдельных показателей, т.е. числа поданных уездных описаний, соотношения

штатной численности до и после реформы, доли лояльных населенных пунктов в отдельных регионах, там, где источники предоставляют такие данные в проверяемом виде.

Результаты. ***Системные ограничения дореформенной системы накануне 1773 г.*** К началу 1770-х гг. административно-территориальное деление России в большей степени восходило к допетровской эпохе. Как показывает Д. А. Хитров на основе картографической реконструкции 217 уездов семи губерний, «градские межи» того времени в подавляющем большинстве случаев были вполне определенными и демаркированными на местности рубежами. Представление о повсеместной территориальной неопределенности, которое было распространено в старой историографии, не подтверждается [14, с. 104]. Проблема заключалась больше в крайней разнородности границ. Коэффициент изрезанности дореформенных уездов (отношение периметра к площади) составлял в среднем 1,4, причем для 37, как правило, небольших уездов показатель превышал 2. У уездов, которые были образованы в результате екатерининской реформы, средний коэффициент составил 1,05, а превышение отметки 2 наблюдалось только у семи из них [14, с. 105]. Следует говорить об унаследованной и исторически сложившейся нерегулярности, которая мешала составлять унифицированные модели управления, но не являлась продуктом «кризиса».

Гораздо острее стояла проблема информационного обеспечения управления. По подсчетам местных властей, к 1773 г. со всех уездов империи было прислано только 55 планов и географических описаний [2, с. 57]. Московская губернская канцелярия предпринимала попытки систематизировать сбор сведений. В 1760-х гг. были подготовлены типовые формуляры (образцом послужило описание Углича), которые были спущены на уровень провинциальных канцелярий и предусматривали запись сведений о реках, озерах, купеческих и «крестьянских промыслах», «с каким изобилием где произрастают» [2, с. 57]. Однако даже с началом Генерального межевания у

властей не было полной уверенности в успешном решении проблемы сбора информации об уездах. Государство управляло территорией, о которой не располагало достаточными сведениями.

Третье и наиболее системное ограничение связано с перегруженностью верховной власти обращениями подданных, которые миновали установленные инстанции. Как показывает А. К. Смит, на протяжении XVIII в. российские монархи издавали указы, которые запрещали личную подачу челобитных, начиная с указа Екатерины I 1725 г. и вплоть до указа Павла I 1799 г., причем каждый раз перечислялись уже существующие запреты, которые явно не соблюдались [17, p. 728–731]. Указ от 22 августа 1767 г., который был адресован выявленной проблеме, в действительности не был направленным против крестьян новшеством, а воспроизводил прежнюю норму на фоне сформированной паники вокруг налоговых слухов. По собственным воспоминаниям Екатерины II, поводом послужил эпизод, когда ее путь ко входу в церковь оказался заблокирован коленопреклоненными просителями [17, p. 731]. Во время «волжского вояжа» 1767 г., на имя императрицы во время путешествия по Волге было подано более 600 челобитных, в основном от крестьян, которые жаловались на непомерные сборы и земельные притеснения [12, с. 37]. Приведенная цифра свидетельствуют о том, что местное разрешение споров и жалоб к началу 1770-х гг. работало настолько неудовлетворительно, что подданные массово обращались напрямую к монарху, т.е. миновали губернские и уездные инстанции, для которых и предназначались обращения.

Важны и материалы наказов депутатов Уложенной комиссии 1767 г., которые были собраны В. А. Григорьевым. Черносошные крестьяне Каргопольского уезда жаловались на «крайне обременительную» почтовую повинность и просили защитить их от самоуправства проезжающих. Ясачные крестьяне Казанской губернии просили освободить их от караульной службы при казенных соляных складах. Те же претензии предъявляли черносошные крестьяне и пахотные солдаты Саратова [3, с. 162]. Ни один из наказов не связан

с восстанием. Он датирован шестью годами раньше начала пугачевщины, однако все они содержат одну и ту же институциональную проблему, а именно перегруженность уездного аппарата функциями, которые он объективно не мог выполнять без злоупотреблений.

Отдельного упоминания заслуживает казанский сюжет коррупции чиновничества, который документирован И. З. Файзрахмановым. В донесениях 1763–1764 гг. князь А. А. Вяземский описывал схемы вымогательства с ясачных крестьян. За подачу «сказок» к ревизии с татарской деревни Агрызы бралось по 9–10 коп. с души, с удмуртов и того больше. За упрямство при отказе платить «вальдмейстеру» одна деревня была оштрафована губернской канцелярией на 800 рублей за мнимую порубку заповедного дубового леса [12, с. 31]. Сменивший Вяземского генерал-майор А. И. Бибиков в 1764 г. констатировал, что взятки продолжаются, «хотя, конечно, с большею пред прежним скромностию», а секретарское и подьяческое «пронырство» продолжает «к отягощению челобитчиков находить средство помещаться» даже там, где сам губернатор от мздоимства воздерживается [12, с. 31]. Сенатская комиссия А. И. Свечина, которая работала в Казанской губернии в 1763–1765 гг., собрала 264 жалобы от татарских, чувашских, русских, марийских, удмуртских и мордовских крестьян [12, с. 33], что сопоставимо по масштабу с волжскими челобитными 1767 г. и свидетельствует о хронической природе проблемы.

Восстание как испытание административного аппарата на прочность. Крестьянская война 1773–1775 гг. началась на территории, где отношения между властью и населением были напряжены задолго до появления самозванца. Как показывает А. И. Андрущенко, в 1772 г., за год до начала пугачевщины, произошло восстание яицких казаков против «уничтожения вольностей» войска, которое поддерживалось старшинской, зажиточной прослойкой [1, с. 15]. Подавление восстания сопровождалось суровыми, но выборочными наказаниями. 16 зачинщиков были приговорены к наказанию кнутом, вырыванию ноздрей и ссылке «в работу вечно», 38 человек приговорены

к кнуту и ссылке в Сибирь с семьями, а относительно 2461 человека «мятежнического войска» было объявлено помилование при условии выплаты компенсации за разграбленное правительственными сторонниками имущество, которое было оценено в 36 756 руб. [1, с. 16]. Карательная система оказалась достаточно жесткой, чтобы озлобить, но недостаточно последовательной, чтобы устрашить или примирить.

В сложившейся среде в августе 1773 г. произошел эпизод, который во многом определил дальнейший ход событий. Хозяин постоялого двора на речке Таловой С. М. Оболяев принял у себя скрывавшегося беглеца, который назвался именем Петра III. Публикация В. Я. Мауля, которая основана на следственных делах РГАДА, реконструирует диалог казаков-делегатов с самозванцем практически дословно. Посетившие умет Д. Караваев и С. Кунишников передавали ему свои горькие сетования. «Мы де желаем служить по-старому, как при царе Петре Алексеевиче было», на что Е. И. Пугачев отвечал: «добро, детушки, я за вас вступлюсь, только вы меня не покиньте» [8, с. 62]. Соглашение было скреплено словами, которые стоит привести дословно, поскольку в них в сжатом виде выражена идея последующего восстания, а именно обмен обещания восстановления утраченных прав на военную поддержку: «когда вы за нас вступитесь, то войско наше с радостию вас примет» [8, с. 63].

Интересен контраст между приведенной репликой, которая исходила десятилетиями добивавшихся защиты своих прав от произвола старшин и воевод от людей, и тем, как в те же годы описывала положение дел в империи императрица. Во время «волжского вояжа» 1767 г., проезжая через Казань, Екатерина II делилась впечатлениями в письме к графу Н. И. Панину: «Мы нашли город, который всячески может слыть столицею большого царства; прием мне отменный; нам отменной он кажется, кои четвертую неделю видим везде равную радость, а здесь еще отличнее…» [12, с. 36-37]. Едва ли императрица лукавила. По-видимому, парадные приемы действительно производили на нее большое

впечатление, но контраст между двумя цитатами из двух разных, независимо друг от друга собранных источников обнажает суть проблемы. Два разных, почти не пересекающихся образа одной и той же страны, официально-парадный и подлинно-низовой, соседствовали параллельно и практически без взаимной коррекции вплоть до момента, когда низовое недовольство материализовалось в вооруженное восстание.

Военная фаза восстания также обнажила слабость административно-военного аппарата на местах в вопросах координации и оперативного управления. Наиболее драматичным эпизодом стал штурм Казани 11–15 июля 1774 г. Согласно реконструкции А. К. Садыкова и Д. П. Самородова, повстанцы предприняли попытку стремительного одновременного штурма города со всех сторон, чтобы не дать властям и гарнизону закрыться в Кремле, однако вопреки утверждениям исследователей, реально одновременного штурма со всех направлений не велось [10, с. 29]. Многократные поражения от отряда И. И. Михельсона, несмотря на определенный успех при взятии Осы, убедили Е. И. Пугачева в неспособности его войска противостоять регулярным правительственным силам [10, с. 26]. Ключевые слова к статье, которые даны ее авторами, передают ее эмпирический фокус: «восстание; Пугачев; Казань; штурм; Михельсон; отряд; бой; гарнизон; повстанцы» [10, с. 25].

Подавление восстания потребовало мобилизации значительных военных ресурсов, в том числе привлечение А. В. Суворова, участие которого в кампании специально не акцентируется популярными биографическими работами, но документируется В. К. Самигуллиным на основе исторических источников: «Суворов по приказу императрицы скачет в заволжские степи, где в это время догорало восстание Пугачева» [11, с. 16]. Привлечение полководца высшего уровня к операции против внутреннего мятежа свидетельствует о том, что имевшихся в распоряжении местной, губернской и провинциальной администрации сил оказалось недостаточно для купирования кризиса на ранней стадии. Задача в теории и должна была решать система местного управления, но

с которой она объективно не справилась.

Реформа 1775 г.: архитектура ответа и региональная практика внедрения. «Учреждения для управления губерний», которые были обнародованы 7 ноября 1775 г., установили новый принцип административного деления, который основан на демографическом критерии. Губерния или наместничество должны были насчитывать от 300 до 400 тыс. душ, а уезд, или округ «от двадцати до тридцати тысячь душЪ» [4, с. 14], что отличалось от прежней логики формирования административных единиц, которая была ориентирована на историческую традицию.

Как убедительно показывает Д. А. Хитров, новое положение границ «было проведено в пределах внутренних губерний чисто административными методами, без привлечения местных сообществ», а наместники «стремились прежде всего обеспечить равенство населения наместничеств и уездов»; задача сохранения структуры прежних территориальных связей попросту не ставилась [13, с. 32]. По сути, речь идет о создании новой на совершенно иных основаниях системы на основе вывода, который подкреплен созданием впервые составленного атласа карт 228 дореформенных уездов [13, с. 34].

Региональная практика внедрения реформы показывает разброс темпов и характера реализации. На территории будущего Пермского наместничества подготовка растянулась на несколько лет. Летом 1778 г. Екатерина II поручила казанскому генерал-губернатору П. С. Мещерскому лично объехать регион и определить будущие уездные и губернский центры с учетом сложного административного наследия, а именно принадлежности территории сразу к трем губерниям (Казанской, Оренбургской и Сибирской) и параллельного действия гражданского управления и заводской администрации [7, с. 80]. Открытие Пермского наместничества состоялось 18 (29 по новому стилю) октября 1781 г. К ноябрю того же года в Перми насчитывалось около 3 тыс. жителей, из которых более тысячи были новоприбывшими [7, с. 81]. Внедрение новых учреждений сопровождалось конфликтами. В Кунгуре магистрат по

старой памяти вмешивался в финансовые дела вновь созданной городской думы, что вызывало жалобы в Казенную палату [7, с. 82]. Довольно быстро выявился избыточный характер новых штатов. По данным Д. Е. Хохолева, после последующей реформы Павла I численность классных должностей местного управления на территории Среднего Урала сократилась на 40% (с 291 до 175 единиц), а ежегодные расходы на содержание аппарата снизились на 48% [7, с. 82].

Материалы А. А. Космовской и Д. А. Ренева по городовому управлению Прикамья дополнительно проясняют преемственность кадров на посадском уровне. Исследование родословных выборных должностных лиц показывает наличие многопоколенных «династий». Представители семьи Колотиловых с XVII в. поочередно занимали должности подьячих, соляных голов и служили в приказной избе, у бурмистерских дел и в магистратах [6, с. 96]. Наряду с преемственностью документированы и конфликты, которые связаны с влиянием солепромышленной элиты на выборные учреждения. Сохранилось дело «об издевательствах над копиистом соликамского магистрата Василием Титова, которого посадили на цепь в избе промышленника Ростовщикова» [6, с. 99]. Аналогичные эпизоды показывают, что переход от воеводских канцелярий к магистратам и думам далеко не всегда сопровождался реальным изменением расстановки местных сил.

Обращение к казанскому материалу И. З. Файзрахманова позволяет оценить долгосрочные, в том числе противоречивые последствия реформы. Послевоенное восстановление финансировалось из казны. На восстановление разрушенной Казани было выделено около 250 тыс. руб. Вместе с тем, период после 1775 г. отмечен ростом недоимок. С 1775 по 1786 гг. сумма налоговой задолженности выросла со 162 081 до 956 516 руб. И. З. Файзрахманов делает важный для настоящей статьи вывод о том, что реформа 1775 г. расширила автономию губернаторской власти и ослабила прежние несовершенные способы надзора за ней [12].

Обсуждение результатов. Рассмотренные факты позволяют сформулировать основной тезис статьи. Восстание Е. И. Пугачева не создало проблему неэффективности местного управления, а проявило уже имевшиеся системные ограничения дореформенной губернской системы. Дефицит географических и статистических сведений об уездах, который отмечен на уровне всего 55 представленных описаний к 1773 г. [2, с. 57], постоянная перегруженность верховной власти челобитными, которая документирована на общероссийском материале А. К. Смит [17, p. 728–731] и на региональном волжском [12, с. 35–36], и коррупция уездного и провинциального чиновничества, которая описана в донесениях Вяземского и Бибикова в 1763–1764 гг. [12, с. 31] стали явлениями, которые предшествовали пугачевщине на 5-10 лет и не могут считаться ее порождением.

Было бы неточно утверждать, что восстание вовсе не повлияло на реформу или что связь между ними носит случайный характер. Скорее речь должна идти о двух различных функциях восстания по отношению к реформе, которые важно не смешивать. Восстание выполнило задачу своеобразного стресс-теста, потому что оно продемонстрировало на практике, причем в предельно наглядной, военной форме, к каким последствиям приводит накопленные проблемы управляемости, от неспособности местных властей предотвратить массовое присоединение населения к самозванцу до необходимости привлекать полководцев уровня Суворова для подавления внутреннего мятежа [11, с. 16]. Восстание сыграло роль ускорителя, который сократил дистанцию между назревшей необходимостью реформы и политической волей к ее проведению. Полученный в статье вывод согласуется с позицией Д. А. Хитрова, который различает необходимость реформы и ее осуществимость [13, с. 32], а также с осторожностью И. Р. Метшина и цитируемого им О. А. Омельченко относительно каузальной связи [9, с. 46].

Даже спустя годы после реформы упомянутая И. Р. Метшиным норма «государев наместник не есть судья», которая отражена в тексте «Учреждений»

[9, с. 48], которая разграничивала административные и судебные функции, на практике сталкивалась с расширением полномочий генерал-губернаторов и губернаторов, что отмечает и И. З. Файзрахманов применительно к казанскому случаю [12]. Реформа отчасти воспроизвела концентрацию власти при недостаточном контроле, которую она была призвана решить, только изменила ее конфигурацию.

Отдельного комментария заслуживает символическое понимание реакции власти на восстание, которое иллюстрирует материал У. Хофмайстер. После подавления пугачевщины Екатерина II распорядилась переименовать реку Яик и все связанные с ней топонимы (включая Верхнеяицк) в «Урал», по названию гор, где река берет начало, с явной целью стереть память о яицких казаках, которые приняли участие в восстании [16, p. 9]. Эпизод показывает, что реакция власти на кризис местного управления включала и символическую политику, которая направлена на стирание памяти о конфликте, т.е. родственную административной унификации 1775 г., стратегию, которая также стремилась стереть прежние, «неудобные» территориальные и социальные конфигурации в пользу рационализированной модели.

Эмпирическая база настоящей статьи охватывает Москву и центральные губернии, Казанскую губернию, Оренбургский край и территорию Пермского наместничества, т.е. регионы, для которых новейшая историография 2025–2026 гг. предоставляет достаточно детализированный материал, что не позволяет делать выводы, которые были бы применимые ко всем 50 учрежденным к концу царствования Екатерины II наместничествам [9, с. 46], например, к западным или южным окраинам империи, где реформа проводилась в иных условиях и, как отмечает И. Р. Метшин, «обособленно», без обмена территориями с внутренними губерниями. Представленные выводы следует рассматривать хорошо документированной региональной моделью.

Перспективы дальнейших исследований. Дальнейшая разработка темы представляется возможной по нескольким направлениям. Представленный в

статье региональный материал целесообразно дополнить сопоставлением темпов и способов внедрения реформы на национальных окраинах, например в Башкирии и Оренбургском крае, где восстание имело наиболее массовый характер, а последствия реформы для местных элит, в том числе нерусских, остаются недостаточно изученными. Перспективным представляется количественное сопоставление динамики недоимок и коррупционных дел до и после 1775 г. по нескольким губерниям. Материал И. З. Файзрахманова по Казани [12] предоставляет методологический ориентир, но нуждается в расширении на сопоставимые случаи. Заслуживает отдельного изучения кадровая преемственность между дореформенными и послереформенными учреждениями на массовом просопографическом материале. Подход был апробирован А. А. Космовской и Д. А. Реневым на материале Прикамья [6], но пока не применялся к другим регионам. Представляется продуктивным проследить, как символическая политика власти (переименования, разрушение или, напротив, консервация памятных мест, которые связаны с восстанием) соотносилась с институциональными изменениями. Описанная тема пунктирно намечена в статье У. Хофмайстер [16], но требует специального исследования на русскоязычном материале.

Заключение. Проведенный анализ позволяет утверждать, что распространенное в массовом историческом сознании представление о губернской реформе 1775 г. как о единственном ответе на восстание Е. И. Пугачева нуждается в корректировке и уточнении способа связи. Институциональные ограничения дореформенного местного управления, т.е. территориальная разнородность уездов, дефицит сведений о них, постоянная перегруженность верховной власти обращениями подданных и коррупция уездного аппарата сформировались задолго до 1773 г. и были документально отражены в источниках 1760-х гг., т.е. за 5-10 лет до начала пугачевщины. Восстание стало наглядным проявлением имевшихся ограничений, потому что оно показало, к каким последствиям приводит их совокупное действие в

условиях острого социального кризиса, и ускорило политическое решение о проведении давно назревшей реформы, но не определило ее содержательную логику, которая формировалась на основе иных, более долгосрочных факторов, прежде всего сословной консолидации XVIII в.

Необходимо избежать и противоположной крайности, а именно полного отрицания связи между восстанием и реформой. Многие решения 1775–1781 гг., от привлечения к организационной работе людей, которые лично причастны к подавлению мятежа (как генерал-губернатор Мещерский в Пермском крае), до символической политики переименований, обнаруживают явный след пережитого кризиса. Реформа была продуктом долгосрочной институциональной эволюции и ситуативным политическим ответом на кризис, острая фаза которого совпала с завершающим этапом подготовки давно обсуждавшихся преобразований.

Важно подчеркнуть и то, что реформа не была безусловным институциональным успехом. Региональный материал показывает позитивные результаты, например оптимизацию избыточных штатов, документированную на пермском материале, и новые проблемы, прежде всего ослабление контроля над губернаторской властью и рост недоимок в Казанской губернии в первое послереформенное десятилетие. Реформа 1775 г. предстает не окончательным решением кризиса местного управления, а одним из этапов его долгой и растянутой на десятилетия трансформации, которая началась задолго до пугачевщины и не завершилась с обнародованием «Учреждений».

Список литературы

1. Андрущенко, А. И. Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. – М.: Наука, 1969. – 360 с.

2. Голубинский, А. А. Уездная инфраструктура и сбор сведений о ней в Московской губернской канцелярии в середине XVIII в. // Административно-территориальное устройство России: исторический опыт, современное состояние, перспективы развития: тезисы докладов тезисы докладов

Всероссийской научной конференции, посвященной 250-летию губернской реформы Екатерины II (Санкт-Петербург, 18–19 ноября 2025 г.). – СПб., 2025. – С. 57–58.

3. Григорьев, В. А. Реформа местного управления при Екатерине II: (Учреждение о губерниях 7 ноября 1775 г.). – СПб.: Русская скоропечатня, 1910. – VIII, 387 с.

4. Екатерина II. Благочестивейшия самодержавнейшия великия государыни имп. Екатерины Вторыя учреждения для управления губерний Всероссийския империи. – [М.]: [при Сенате], 1775. – [10], 215, [1] с.

5. Екатерина II. Копия с рескрипта Императрицы Екатерины II Московскому губернатору графу Остерману, 3 сентября 1774 г. // Сборник Русского Исторического Общества. – СПб., 1871. – Т. 6.

6. Космовская, А. А. История городового управления Прикамья XVIII–XIX веков: тематический электронный ресурс на основе архивных документов / А. А. Космовская, Д. А. Ренев // Вестник Пермского университета. История. – 2025. – № 3 (70). – С. 96–109.

7. Космовская, А. А. Создание Пермского наместничества: территориальные и экономические ориентиры // Административно-территориальное устройство России: исторический опыт, современное состояние, перспективы развития: тезисы докладов тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 250-летию губернской реформы Екатерины II (Санкт-Петербург, 18–19 ноября 2025 г.). – СПб., 2025. – С. 80–82.

8. Мауль, В. Я. Человек, державший в руках судьбу Пугачевщины (Таловой умет, август 1773 г.) // Новое прошлое / The New Past. – 2025. – № 1. – С. 58–72.

9. Метшин, И. Р. Роль губернской реформы 1775 г. в укреплении государственного единства Российской империи (к 250-летию губернской реформы) // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». – 2025. – № 4 (60). – С. 44–51.

10. Садыков, А. К. Поход на Казань – роковая неудача Пугачевского восстания /

А. К. Садыков, Д. П. Самородов // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2025. – Т. 31, № 4. – С. 25–31.

11. Самигуллин, В. К. Испытание российской государственности на прочность (к событиям 1773–1775 гг.) // Право и государственность. – 2025. – № 2 (7). – С. 11–21.

12. Файзрахманов, И. З. Казань и Казанская губерния в эпоху Екатерины II (по материалам донесений губернаторов и сенаторских ревизий) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. – 2026. – Т. 16, № 2. – С. 28–44.

13. Хитров, Д. А. Губернская реформа Екатерины II: изменение внутренних границ и организация пространства государства: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 5.6.1. – М., 2025. – 45 с.

14. Хитров, Д. А. К вопросу об уездных границах в XVII – первой половине XVIII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2025. – № 3 (101). – С. 102–114.

15. Юферова, С. В. Губернская реформа Екатерины II: освещение в отечественной историографии // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2014. – № 19 (141). – С. 132–140.

16. Hofmeister, U. Orenburg's Toponymy: Staging the Russian Empire in the Steppe // Urban History. – 2025. – First View. – P. 1–18.

17. Smith, A. K. “To Each Their Grievance Is Bitter and Unbearable”: Petitions, Autocracy, and the Rule of Law in Eighteenth-Century Russia // Law and History Review. – 2025. – Vol. 43. – P. 717–738.

References

1. Andrushchenko, A. I. Krest'yanskaya voina 1773–1775 gg. na Yaike, v Priural'e, na Urale i v Sibiri. – M.: Nauka, 1969. – 360 s.

2. Golubinskii, A. A. Uezdnaya infrastruktura i sbor svedenii o nei v Moskovskoi gubernskoi kantselyarii v seredine XVIII v. // Administrativno-territorial'noe ustroistvo Rossii: istoricheskii opyt, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya: tezisy dokladov tezisy dokladov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 250-

letiyu gubernskoi reformy Ekateriny II (Sankt-Peterburg, 18–19 noyabrya 2025 g.). – SPb., 2025. – S. 57–58.

3. Grigor'ev, V. A. Reforma mestnogo upravleniya pri Ekaterine II: (Uchrezhdenie o guberniyakh 7 noyabrya 1775 g.). – SPb.: Russkaya skoropechatnya, 1910. – VIII, 387 s.

4. Ekaterina II. Blagochestiveishiya samoderzhavneishiya velikiya gosudaryni imp. Ekateriny Vtoryya uchrezhdeniya dlya upravleniya gubernii Vserossiiskiya imperii. – [M.]: [pri Senate], 1775. – [10], 215, [1] s.

5. Ekaterina II. Kopiya s reskripta Imperatritsy Ekateriny II Moskovskomu gubernatoru grafu Ostermanu, 3 sentyabrya 1774 g. // Sbornik Russkogo Istoricheskogo Obshchestva. – SPb., 1871. – T. 6.

6. Kosmovskaya, A. A. Istoriya gorodovogo upravleniya Prikam'ya XVIII–XIX vekov: tematicheskii elektronnyi resurs na osnove arkhivnykh dokumentov / A. A. Kosmovskaya, D. A. Renev // Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya. – 2025. – № 3 (70). – S. 96–109.

7. Kosmovskaya, A. A. Sozdanie Permskogo namestnichestva: territorial'nye i ekonomicheskie orientiry // Administrativno-territorial'noe ustroistvo Rossii: istoricheskii opyt, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya: tezisy dokladov tezisy dokladov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 250-letiyu gubernskoi reformy Ekateriny II (Sankt-Peterburg, 18–19 noyabrya 2025 g.). – SPb., 2025. – S. 80–82.

8. Maul', V. Ya. Chelovek, derzhavshii v rukakh sud'bu Pugachevshchiny (Talovoi umet, avgust 1773 g.) // Novoe proshloe / The New Past. – 2025. – № 1. – S. 58–72.

9. Metshin, I. R. Rol' gubernskoi reformy 1775 g. v ukreplenii gosudarstvennogo edinstva Rossiiskoi imperii (k 250-letiyu gubernskoi reformy) // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». – 2025. – № 4 (60). – S. 44–51.

10. Sadykov, A. K. Pokhod na Kazan' – rokovaya neudacha Pugachevskogo vosstaniya / A. K. Sadykov, D. P. Samorodov // Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya. – 2025. – T. 31, № 4. – S. 25–31.

11. Samigullin, V. K. Ispytanie rossiiskoi gosudarstvennosti na prochnost' (k sobytiyam 1773–1775 gg.) // Pravo i gosudarstvennost'. – 2025. – № 2 (7). – S. 11–21.
12. Faizrakhmanov, I. Z. Kazan' i Kazanskaya guberniya v epokhu Ekateriny II (po materialam donesenii gubernatorov i senatorskikh revizii) // Iz istorii i kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya. – 2026. – T. 16, № 2. – S. 28–44.
13. Khitrov, D. A. Gubernskaya reforma Ekateriny II: izmenenie vnutrennikh granits i organizatsiya prostranstva gosudarstva: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk: 5.6.1. – M., 2025. – 45 s.
14. Khitrov, D. A. K voprosu ob uezdnykh granitsakh v XVII – pervoi polovine XVIII v. // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. – 2025. – № 3 (101). – S. 102–114.
15. Yuferova, S. V. Gubernskaya reforma Ekateriny II: osveshchenie v otechestvennoi istoriografii // Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya. – 2014. – № 19 (141). – S. 132–140.
16. Hofmeister, U. Orenburg's Toponymy: Staging the Russian Empire in the Steppe // Urban History. – 2025. – First View. – P. 1–18.
17. Smith, A. K. “To Each Their Grievance Is Bitter and Unbearable”: Petitions, Autocracy, and the Rule of Law in Eighteenth-Century Russia // Law and History Review. – 2025. – Vol. 43. – P. 717–738.

Статья поступила в редакцию 20.01.2026; одобрена после рецензирования 03.03.2026; принята к публикации 08.09.2026.

The article was submitted 20.01.2026; approved after peer review 03.03.2026; accepted for publication 08.09.2026.